

ЦАРСТВО СОЦІАЛЬНОЇ ІЛЛЮЗИЇ.

(Опытъ по психології большевизма)

I.

Въ борьбѣ за жизнь.

Понять психическій міръ большевизма — значитъ понять очень многое въ російской катастрофѣ. Ибо большевизмъ не только соціально-политическая теорія и соціально-политическая практика. Я бы даже сказалъ: меньше всего теорія и меньше всего практика. Какъ теорія, большевизмъ является хаотической смѣсью идей марксизма, бакунизма, синдикализма и анархизма, — смѣсью самыхъ худшихъ ихъ сторонъ и тенденцій, приправленной притомъ національнымъ кваскомъ въ духѣ славянофильскаго мессіанизма и заморскими спеціями въ духѣ философіи и морали отцовъ-іезуитовъ. Большевизмъ въ теоріи плачевно не оригиналенъ и скученъ. Не здѣсь его «особая статья». Какъ соціально-политическая практика? Но что «своего» въ комбинаціи политическаго якобинизма, экономической араачеевщины, революціонной пугачевщины, — комбинаціи, построенной на той несомнѣнно правильной предпосылкѣ, что «что-нибудь» изъ всей этой вакханаліи должно же выйти, и на пламенной вѣрѣ въ вѣрность задняго ума?

Трудно говорить о большевистской теоріи и большевистской практикѣ, потому что трудно найти примѣры такого безграничнаго и безстыднаго оппортунизма, какимъ себя и въ теоріи и въ практикѣ обезсмертила эта архиреволюціонная власть. Ни одна власть во имя своего сохраненія не шла на такое грубое поправаніе путемъ

дутыхъ и напыщенныхъ софизмовъ своихъ принциповъ, провозглашенныхъ и исповѣдуемыхъ или только провозглашенныхъ, какъ власть совѣтская. Тѣмъ болѣе не жертвовали такъ легко своими принципами партіи революціонныя — вѣрнѣе и шире — партіи, дѣйствовавшія въ революціи. Революція характерна именно этой нестибаемостью, заклатымъ упорствомъ, съ какимъ партіи, борющіяся за власть или ставшія у власти, отстаиваютъ свои принципы. Въ этомъ величіе революцій и ихъ трагическая мощь. Взошедшая на арену революціи, партія или еоціально-политическая группа хочетъ побѣдить, но она уже тѣмъ самымъ, что занеситъ ногу на подмостки Исторіи, готова умереть подъ сѣнью вынесенныхъ ею знаменъ. Въ этомъ паѳосъ революціи. Но этого паѳоса нѣтъ у большевизма. Онъ занесъ ногу на историческіе подмостки, предварительно сдѣлавъ бухгалтерскій подсчетъ въ брошюрѣ Ленина, самое заглавіе которой убійственно безпринципно: «могутъ ли большевики удержаться у власти?» Вы понимаете въ чемъ вопросъ... Не въ томъ, могутъ ли большевики осуществить свою программу, а въ томъ, могутъ ли они удержаться у власти. И въ соответствии съ этимъ слѣдовали расчеты: 100.000 тысячъ николаевскихъ столоначальниковъ могли править Россіей — почему ею не сумѣютъ править 100.000 ленинскихъ столоначальниковъ? И въ соответствии съ этимъ тотъ же Ленинъ до переворота на съѣздѣ совѣтовъ лѣтомъ 17 года считалъ: надо арестовать 50 капиталистовъ, и тогда...

Большевизму чужда мысль о смерти въ томъ революціонномъ смыслѣ, какой я характеризовалъ выше. Вопросъ вѣдь идетъ о томъ, могутъ ли большевики удержаться у власти. Отвѣтъ психологически неизбѣженъ: могутъ. Стоитъ только безконечно измѣнять своимъ принципамъ и въ послѣдующей измѣнѣ измѣнять предыдущей. Это называется «передышкой», «временной уступкой», «диверсіей» — какъ угодно. Важно одно: могутъ ли большевики удержаться у власти...

Такъ не разсуждала никогда ни одна партія революціоннаго времени. Такъ не разсуждали ни якобинцы, ни жирондисты, ни роялисты, ни конвентъ, ни Директорія. Такъ не разсуждали ни

черная сотня, ні совѣты 1905 года. Тутъ жертвовали жизнью ради принциповъ, а не принципами ради жизни.

Только въ старыхъ наслѣдственныхъ монархіяхъ, прочно вросшихъ въ землю, можно еще найти въ психологій правящихъ элементовъ эту непоколебимую увѣренность въ приоритетѣ существованія династіи надъ всѣми бурями и грозами соціально-политического потока жизни. Здѣсь увѣренность въ томъ, что все минется, одна династія останется, — служить психологической базой личнаго самоутвержденія царствующаго рода и его приближенныхъ. Но во-первыхъ эта психологическая база создается вѣками, во всякомъ случаѣ поколѣніями фактического пребыванія у власти, а во-вторыхъ процессъ здѣсь идетъ въ томъ направленіи, что короли и государи больше царствуютъ, чѣмъ управляютъ, и чѣмъ меньше они управляютъ, тѣмъ сильнѣе въ нихъ увѣренность въ томъ, что не придется встрѣтиться лицомъ къ лицу со смертью-матушкой.

Большевики — такіе молоденькіе и уже такіе «безсмертные». Сразу же заявили: меня не надо вѣшать, и уже ни за что не хотять умереть, готовые спустить всю свою принципиальную одежку, лишь бы имѣть возможность на вопросъ: «удержатся ли большевики у власти» отвѣтить взволнованно-трусливо; да, да, да.

Разматриваемый съ этой стороны, большевизмъ представляеть мало интереса для научно объективного обобщенія и анализа его теоріи и его практики. Онъ слишкомъ для этого безпринципенъ, внутренне противорѣчивъ, неустойчивъ и, выражаясь біологическимъ терминомъ, мимикриченъ.

Большевизмъ это не соціально-политическая теорія и не соціально-политическая практика, большевизмъ — это только особый, глубоко оригинальный, послѣдовательно проводимый, глубока продуманный образъ мысли, слова и дѣла, имѣющій цѣлью удержаніе у власти партіи, однажды эту власть захватившей.

Это положеніе можетъ показаться или парадоксомъ или трюизмомъ. Вѣдь всякая власть, коль скоро она пришла, не хочетъ уже уходить, считая самый фактъ своего бытія основой всеобщаго благополучія. Особенно это вѣрно для партій, пришедшихъ къ власти путемъ насилія. Самый актъ насилія, пролитая при этомъ кровь,

своя и чужая — въ особенности чужая — убеждаетъ новыхъ владыкъ въ томъ, что къ ихъ пришествію ко власти сопричастенъ Божій Промыслъ. Эта религіозная окраска свойственна идеологіи даже самой атеистической и самой революціонной узурпаціи. Ея моральную основу можно выразить формулой: гдѣ ненависть — тамъ и Богъ, хотя бы Богъ фигурировалъ подъ псевдонимами Права, Разума, Соціальной справедливости и т. п. Въ этомъ отношеніи большевизмъ, конечно, нисколько не отличается отъ всякой иной узурпаціи и всякая диктатура партіи, класса, политической группы неизбежно впадетъ въ ту же религіозно-монархическую трясиину. Было бы однако грѣшно, установивъ это достаточно печальное для «пролетарской диктатуры» сходство ея со всѣми иными извѣстными видами диктатуры, не замѣчать наличности здѣсь и глубокаго принципиальнаго различія.

Диктаторъ, монархъ, узурпаторъ, пришедшій къ власти, обожествляетъ не только себя, но и свой принципъ, свою догму, свою соціально-политическую фанаберію, вообще свою «стать». И здѣсь повторяется тоже самое: чѣмъ обильнѣе путь къ власти полить кровью, усѣянъ злодѣянiami и подвигами, тѣмъ догматичнѣе, сабраментальнѣе становится эта «стать». Въ отстаиваніи ея, въ слѣпой политической мономаніи сказывается какъ бы инерція предварительнаго революціоннаго разбѣга. Съ воспаленными глазами побѣды, съ глубоко потрясеннымъ существомъ, сѣявшимъ смерть и смерть преодолевшимъ, нельзя, дорвавшись до цѣли, сразу же начать юлить направо и налево, измѣнять себя на каждомъ шагу, мѣнять политику, какъ перчатки, пробавляться мелкой хитрецей мелкаго воринки. Партія, пришедшая въ эпоху революціи къ власти, похожа на стрѣлу, спущенную съ туго натянутой тетивы. Траекторія ея полета опредѣлена заранѣе факторами, не поддающимися уже измѣненію во время самого полета. Разъ она спущена — путь ея предопредѣленъ. Представить себя, что она, вслѣдствіе охватившей ее въ пути трусости, вильнетъ направо, вильнетъ налево — совершенно немислимо.

Но именно таковъ большевизмъ. 3½ года его владычества могутъ намъ казаться индивидуально невыносимо долгимъ срокомъ, но въ исторической перспективѣ, въ обстановкѣ безумно запутан-

ной сѣти сложнѣйшихъ проблемъ это срокъ слишкомъ ничтожный, чтобы партія, пришедшая къ власти, могла десятки разъ измѣнять провозглашеннымъ и исповѣдуемымъ ею положеніямъ и принципамъ. Всякая партія, пришедшая къ власти, въ особенности путемъ насилія, держится за нее съ чисто животной остервенѣlostью. Но это не только воля къ жизни — это и воля къ определенному ея смыслу, хотя бы и самому фантастическому. Партія революціи отстаиваютъ не только свою жизнь, но и тотъ смыслъ, какой онѣ въ нее вкладываютъ. Вспомнимъ только, съ какой заклятой силой отстаивали себя и свои «принципы» партіи французской революціи. Посылая другъ друга на эшафотъ, они считали свои принципы, иногда самаго отвлеченнаго свойства, чѣмъ-то такимъ, ничтожное, временное отступленіе отъ чего грозило міровой гибелью. Гильотина разрѣшала философскіе споры. И тамъ не знали «передышки», не знали компромиссовъ. Воистину они были безсмертными, преодолевъ смерть, какъ вразумляющее начало, какъ персть угрожающій. Большевизмъ весь во власти этой угрозы. И онѣ холодеетъ, расчетливъ, весь погруженный въ бухгалтерію, преимущественно въ поддѣлку и подчистку роковыхъ итоговъ.

Вотъ почему величайшее политическое и психологическое заблужденіе кроется въ характеристикѣ большевизма, какъ явленія революціоннаго. Онѣ не революціонеръ не только потому, что онѣ контръ-революція, толкнувшая страну на путь экономическаго и политическаго регресса и вырожденія. Онѣ глубоко не революціонеръ, антиреволюціонеръ даже въ самомъ примитивномъ смыслѣ слова «революція», съ точки зрѣнія того комплекса волевыхъ, эмоциональныхъ и моральныхъ факторовъ, который и составляетъ всю красоту и трагическую мощь «варварской формы прогресса», какъ назвалъ революцію Жоресъ.

Большевизмъ — это только методъ сохраненія власти въ рукахъ... большевиковъ. Это оголенная форма узурпаціи, чистый ея видъ, не подчиненный никакимъ идеямъ, идеаламъ, принципамъ, кромѣ одной всепожирающей цѣли — *быть, жить*... Здѣсь его особая стать. Здѣсь онѣ безусловно оригиналенъ, смѣлъ, находчивъ, ловокъ, талантливъ. Здѣсь есть особая, тонко проводимая политика, изученіе и анализъ которой легче по моему и скорѣе

вводить въ самую душу большевизма, чѣмъ томительныя раскопки въ грудѣ наваленныхъ большевиками мыслей, словъ, теорій, мѣропріятій...

II.

Теорія относительнаго обнищанія.

Большевизмъ вышелъ изъ марксизма. Выйдя изъ него, т. е. покинувъ его почву, онъ на сапогахъ своихъ унесъ кой-какіе обрывки марксистской идеологіи, преимущественно тѣ ея элементы, гдѣ сильно сказывались бланкистскія тенденціи. Среди марксовскихъ идей была гениально использована, вѣришь, гениально извращена идея объ относительномъ обнищаніи рабочаго класса. Въ самой простой формѣ мысль Маркса сводится къ слѣдующему:

Въ капиталистическомъ обществѣ положеніе пролетаріата непрерывно ухудшается. Среди массъ растущихъ, имъ же производимыхъ или вызванныхъ къ жизни богатствъ, его собственная доля становится все меньшей и меньшей. Пролетаріатъ постоянно нищаетъ, все болѣе отставая въ своемъ уровнѣ жизни отъ все повышающагося уровня другихъ классовъ. Чѣмъ большую массу продуктовъ онъ производитъ, тѣмъ меньшая ихъ доля ему достается. Прогрессъ капитализма съ этой стороны неизбѣжно связанъ съ регрессомъ рабочаго класса. Жизненный путь рабочаго класса въ сравненіи съ развитіемъ владѣющихъ классовъ можно изобразить примѣрно, какъ движеніе Ахиллеса и черепахи. Оба они движутся въ одномъ направленіи, но разсматривая систему этихъ двухъ членовъ съ точки зрѣнія черепахи, можно сказать, что съ каждымъ своимъ шагомъ впередъ черепаха все больше отстаетъ отъ Ахиллеса. Она никогда его не догонитъ, ибо разстояніе между ними не сокращается, а все болѣе увеличивается.

Здѣсь ударный моментъ характеристики заключается въ ея социально-экономическомъ релятивизмѣ. Положеніе пролетаріата абсолютно не ухудшается. Наоборотъ абсолютно оно несомнѣнно, а иногда даже весьма серьезно улучшается. Рабочему живется теперь несомнѣнно лучше, чѣмъ 30, 40, 50 лѣтъ тому назадъ. Но это нисколько не вліяетъ на его субъективное отношеніе къ системѣ

капіталістическаго хозяйства и нисколько не способно притупить въ немъ остраго чувства протеста. На психику людей дѣйствуютъ сильнѣе всего не сопоставленія во времени, а сопоставленія въ пространствѣ. То, что питаетъ революціонный протестъ трудящихся массъ противъ капиталистической системы — это какъ разъ сопоставленія въ пространствѣ. Что съ того, что въ старину живали дѣды гораздо хуже своихъ сыновъ и внуковъ? На сыновъ и внуковъ дѣйствуетъ мощными соціально-психологическими толчками на каждомъ шагѣ бросающаяся нивъ въ глаза колоссальная разница между уровнемъ ихъ жизни и уровнемъ жизни буржуазіи. Здѣсь источникъ классовой борьбы и революціонной непримиримости пролетаріата.

Теперь я прошу читателя мысленно перевернуть эту формулу относительнаго обнищанія. Мы получимъ формулу *относительнаго обогащенія рабочаго класса* и мы очутимся въ самомъ центрѣ большевистской тактики, мы найдемъ ключъ къ загадкѣ большевистскаго владычества надъ народными массами. Марксистскою большевизмъ создалъ теорію и, что гораздо интереснѣе и хуже, блестяще, послѣдовательно до мельчайшихъ психологическихъ деталей, развилъ практику относительнаго обогащенія рабочаго класса. Онъ провелъ ее въ жизнь въ геометрически идеальныхъ формахъ, въ безукоризненно, чтобы не сказать банально симметрическомъ противоположеніи къ теоріи относительнаго обнищанія. Попробуйте переиѣстить всѣ члены марксистской формулы шиворотъ на выворотъ, и тогда вы вмѣсто одного итога: революція, классовая борьба, бунтъ, неуемное, вѣчно саднящее чувство протеста — получите: примиреніе, покорность, рабство, соціально-политическую глухонѣмоту и часто даже положительно проявляемое удовлетвореніе бѣдныхъ, скудныхъ, обманутыхъ и жалѣющихся обмана душъ.

Да, рабочему живется въ Совдепіи хуже, неизмѣримо хуже, чѣмъ при капитализмѣ. Но что же? Ему зато гораздо легче и вольготнѣе жить, чѣмъ буржую. Вотъ этотъ буржуй валяется на уликѣ и, голодный, оборванный, смотритъ на васъ страдальческимъ взоромъ и беззвучно что-то шепчетъ. Вотъ этотъ пролетарій при винтовкѣ приказываетъ буржую убратъся и не портить вида улицы. Это ли не господствующее сословіе? Въ общественныхъ и соціально-

ныхъ отношенійхъ могушественной силой вліянія обладаютъ не абсолюты, а относительности. Важно не то, что «хорошо» и «плохо» или «много» и «мало», а то, что «лучше» и «хуже» или «больше» и «меньше». И какъ въ капиталистическомъ обществѣ, несмотря на реальное улучшение положенія рабочаго класса, различіе жизненныхъ уровней питаетъ протестъ и социальную активность, такъ при «коммунистическомъ строе»^х, несмотря на реальное ухудшеніе положенія рабочаго класса, обратно расположенное различіе жизненныхъ уровней должно питать чувства примиренія и социальной пассивности. Важно то ощущеніе, та видимая, осязаемая *жизне-разность*, то отрадное чувство *инобытія*, которыя дѣйствуютъ на людей вообще, а на примитивные умы и души въ особенности, слыше абсолютной мѣры добра или зла.

Въ этомъ ключъ для уразумѣнія социального существа Совденія и ея господства надъ массами. Это царство социально-правовой привилегіи «рабочаго класса», понимаемаго, однако, не какъ производственная группа, а какъ группа имущественная въ смыслѣ «бѣднѣйшихъ». Это аристократія бѣднѣйшихъ, бывшихъ въ самомъ низу и ставшихъ на самомъ верху, хотя бы этотъ самый новый «верхъ» былъ ниже прежняго «низа».

Это «переворотъ» въ томъ элементарно-кинематографическомъ смыслѣ, какой иногда осуществляется въ «иллюзіонахъ» по окончанія сильно потрясающей драмы, когда вещи начинаютъ на экранѣ падать вверхъ, камни вылетаютъ изъ воды и т.п. трюки поражаютъ зрѣніе и воображеніе зрителей. Совденія это такой грандіозный «Иллюзіонъ». Это режимъ социального угнетенія «навыворотъ», режимъ вверхъ дномъ. социальная пирамида, поставленная основаніемъ вверхъ и нѣсколько усѣченной терроромъ для прочности, вершиной внизъ. Сохраняются все мерзости ея и несправедливости, но только въ обратномъ порядкѣ. Не буржуй угнетаетъ пролетарія, а пролетарій угнетаетъ буржуйа. «Ты лакей, а я баринъ»—кричитъ черное отечество. «Нѣтъ—отвѣчаетъ красное—я баринъ, а ты лакей!» И когда буржуазный баринъ пытается возразить, пролетарскій баринъ ставитъ его «к стенке» и тѣмъ дискусія исчерпана.

Въ своей работѣ о «социальной дифференціаціи» Зиммель приводитъ рассказъ о томъ, какъ во время парижскихъ баррикадъ 48

года одна носильщица угля, встрѣтивъ на улицѣ важно разодрѣтую даму, крикнула ей радостно и злобно: «теперь всѣ равны — теперь ты будешь уголь таскать, а я въ шелковыхъ чулкахъ ходить!» Въ этой наивной, логически нелѣпой формулѣ бездна социально-психологическаго содержанія. Могучее инстинктивное тяготѣніе истомленныхъ въ рабствѣ душъ къ социальной справедливости и социальному равенству не находятъ иного выраженія кромѣ анти-тетической перестановки членовъ въ формулѣ неравенства, не догадываясь даже, что возможенъ знакъ равенства, при которомъ безразлично, какое мѣсто занимаетъ каждый членъ формулы. Нужно обязательно переимѣниться мѣстами: я буду въ шелковыхъ чулкахъ ходить, а ты — испачканная углемъ. А станетъ тѣмъ и тамъ, чѣмъ и гдѣ было В. Только тогда и для А и для В — въ одномъ случаѣ радостно, въ другомъ горестно — станетъ морально и социально опутительнымъ фактъ «переворота». Этого не можетъ быть въ томъ случаѣ, если А и В очутятся въ одномъ и томъ же мѣстѣ и въ одномъ и томъ же положеніи. Ибо въ равенствѣ нѣтъ необходимаго искупленія прежнихъ мукъ и прежняго рабства. Шелковые чулки обладаютъ и для А и для В огромной цѣнностью социальной символики только потому и только въ той мѣрѣ, въ какой существуютъ угольщицы, обтрепанныя и грязныя, можетъ быть безъ всякихъ чулокъ и всякой обуви. Въ этомъ значительная часть потребительской стоимости шелковыхъ чулокъ. Ибо они больше социально-эстетическій символъ, чѣмъ вещь въ себѣ. На этомъ вообще построена психологія роскоши, богатства и бѣдности тоже.

Вотъ эту психологію не столько можетъ быть поняли, сколько инстинктивно, въ стремленія сохранить власть, использовали большевики. Угольщица 48 года — вотъ прообразъ ихъ социальной политики. Пролетаріатъ, вообще «бѣдные люди» умственного и нравственнаго уровня этой угольщицы — вотъ та сила, та масса (а она въ Россіи несмѣтна), которой овладѣли и на которую оперлись большевики.

Въ этомъ смыслѣ большевистское правительство можно называть правительствомъ рабочихъ. Большевистское правительство имѣло право называть себя такъ, но однако не потому, что оно отстаивало классовые интересы пролетаріата, развертывая и осущес-

ствляя идеи и идеалы «4-го сословія», а единственно потому, что оно угождало рабочимъ, ихъ прежде всего и больше всего мазало по губамъ, ихъ развращало и ублажало цѣною разоренія всей Россіи, разрушенія и засоренія всѣхъ источниковъ благосостоянія всѣхъ классовъ и группъ въ томъ числѣ (и объективно прежде всего) самого пролетаріата. Большевики хотѣли и стали рабочимъ правительствомъ потому, что то, чѣмъ сталъ рабочий классъ и что осталось отъ него въ результатъ войны и ко времени переворота, оказалось социальной тканью, вполне подходящей для тѣхъ демагогическихъ узоровъ, какіе стали на ней расшивать большевистскіе заправилы.

Когда-нибудь нужно будетъ написать предреволюціонную исторію русскаго рабочаго класса. Это будетъ мрачной, потрясающей трагичности страница изъ исторіи русской культуры вообще. Но здѣсь необходимо только было указать, что октябрьскій переворотъ засталъ совсѣмъ не тотъ социальный объектъ, который служить обычнымъ матеріаломъ въ исторіи русскаго рабочаго движенія. Это были массы, безумно истощенныя матеріально, физически и нравственно, истощенныя эпохой военно-промышленной гонки. Въ рыхлую, нестойкую среду ворвалась бѣшеная индустриальная горячка съ ея военно-террористической хваткой, съ карательной санкціей въ видѣ «передовыхъ позицій», а главное съ вовлеченіемъ въ индустриальное некло огромныхъ толпъ мѣщанства, деревенщины, толкаемыхъ разореніемъ и боязнью мобилизаціи прямо въ пасть индустриальнаго молоха, который потрясъ этихъ людей до самыхъ основъ ихъ душевнаго и умственнаго строя. И все это въ обстановкѣ военной и спекулятивной вакханаліи, ничѣмъ не ограниченаго господства идея грубой силы, въ атмосферѣ готентотской морали, столь характерной для военныхъ эпохъ. Взбаламученное море социальныхъ отбросовъ, классовая окрошка и мѣшанина, большое въ сущности поколѣніе, страдающее припадками психическихъ эпидемій (вспомнимъ знаменитыя массовыя «отравленія» въ Петербургѣ) — вотъ тотъ «рабочій классъ», который послужилъ большевикамъ матеріаломъ для построенія своего царства и для котораго «соціализмъ» и «равенство» угольщицы 48 года, теорія и практика «относительнаго обогащенія» — являлись совершенно адекватными выраженіями его

глухой, темной и метительной тяги къ соціально-правовому инобытію.

Большевизмъ это далъ и это опредѣлило его успѣхъ, силу его вліянія на массы.

III.

Какъ это дѣлается.

Разсматривая конкретно тѣ мѣры, какія осуществлялись большевиками въ цѣляхъ укрѣпленія своей власти, поражаешься тому разнообразію приѣмовъ и той гибкости, съ какими они играли до сихъ поръ на вышехарактеризованной соціальной психологій массъ. Чтобы ближе подойти къ принципамъ этой игры, мы сначала остановимся на одномъ примѣрѣ, слишкомъ можетъ быть экзотическомъ, чтобы быть показательнымъ и однако чрезвычайно ярко освѣщающемъ самую суть дѣла.

Еще до революціи для нуждъ мобилизованной промышленности были законтрактованы большія массы китайцевъ. Когда военная промышленность прекратилась, положеніе этихъ китайцевъ стало ужаснымъ. Газеты были полны описаній ихъ невѣроятной нищеты и грязи. Населеніе относилось къ нимъ отвратительно. Ихъ дразнили на улицахъ мальчишки, надъ «ходей» издѣвались всеѣ. А «ходи», несчастные и оборванные, рылись въ помойныхъ ямахъ и сорныхъ ящикахъ, уже только здѣсь способные добывать себѣ пищу. Продовольственный кризисъ тогда еще не такъ свирѣпствовалъ, чтобы собаки, кошки и... китайцы ничего бы не могли здѣсь найти съѣдобнаго.

На этого то «ходу» и обратилъ вниманіе большевистскій штабъ. И вотъ «ходи» — обмытые, чистенькіе, хорошо одѣтые, откормленные. «Ходя» красноармеецъ, при немъ винтовка, «ходя» состоитъ въ гвардіи его величества, «ходя» разстрѣливаетъ буржуевъ, «ходя» уже не презрѣнный парія, а аристократъ, «ходу» ужъ никто не посмѣетъ обидѣть, ибо «ходя» нынче коммунистъ и рѣжетъ онъ буржуя исправно. Понятно, что «ходя» счастливъ... «ходя» какъ собака преданъ Россійской Соціалистической Федеративной Совѣтской Республикѣ, и самъ Троцкій пишетъ въ сво-

ихъ приказахъ благодарность «ходѣ», показавшему чудеса храбрости на чехо-словацкомъ фронтѣ... Изъ грязи въ князи—эта буквально осуществившаяся метаморфоза—несмотря на всю экзотичность объекта, выявляетъ нѣкоторыя основныя линіи притяженія къ большевизму и всей широкой массы «бѣднѣйшихъ». Важенъ вѣдь самый принципъ—«изъ грязи въ князи», а не его реальная форма.

И даже не его матеріальное содержаніе. Въ этомъ убѣждаетъ насъ продовольственная демагогія большевизма. Здѣсь сознательная игра на потребности общественно-примитивнаго сознанія чувствовать себя въ атмосферѣ, утоляющей боль прежнихъ обидъ, привилегій ведется особенно толко. Продовольственный кризисъ скоро послѣ прихода большевиковъ достигъ такой остроты, что и 1-ая пролетарская категорія часто не получала ни крошечки той гадости, которая на сѣверѣ именуется пайковымъ хлѣбомъ. Но вѣдь буржуй получалъ еще меньше, онъ совсѣмъ ничего не получалъ. Продовольственная привилегія рабочаго силовъ и рядомъ являлась чистѣйшей иллюзіей съ точки зрѣнія ея матеріальнаго содержанія. Этихъ осточертѣвшихъ въ продовольственной словесности «калорій» рабочій получалъ мизерно мало. Питаясь полагающимися отъ казны калоріями, рабочій несомнѣнно скоро умеръ бы отъ голода. Но если это случится примѣрно черезъ 10 дней, то буржую по его 3-ей или 4-ой категоріи полагалось умереть еще 10 дней тому назадъ. Соціализмъ кормитъ прежде всего пролетаріатъ, а буржую, какъ говорилъ Зиновьевъ, достаточно только «запахъ хлѣба». Если однако дѣло дойдетъ до того, что и рабочему достанется только «запахъ хлѣба», то буржуазія будетъ лишена и запаха. И когда рабочій читаетъ въ продовольственномъ приказѣ, что сегодня по 1-ой категоріи будетъ выдаваться четверть фунта хлопкожара, то печальное отсутствіе чего-либо такого, что можно на этомъ хлопкожарѣ жарить, вполне нейтрализуется тѣмъ фактомъ, что, какъ сказано въ приказѣ. «по 4-ой категоріи выдачи не будетъ».

Здѣсь мы входимъ въ чистую область «права». Рабочій имѣетъ «право» на лучшую и большую часть достоянія Р.С.Ф.С.Р. Что я говорю! — онъ имѣетъ право на все достояніе Р.С.Ф.С.Р..худшую и меньшую часть котораго онъ добровольно уступаетъ другимъ

класамъ, которые вѣдь скоро совсѣмъ исчезнутъ. Реальное, матеріальное содержаніе этого права можетъ быть равно нулю — его соціальная символика все же остается могуче воздѣйствующимъ на психику факторомъ. Только на почвѣ права возможно то долготерпѣніе, какое насъ такъ поражаетъ въ Россіи. Только на почвѣ «права» и адаптаціонно-демагогическаго вколачиванія въ умы идеи избранности и привилегированности бѣднѣйшихъ возможенъ тотъ реальный разгулъ безправія, какой осуществляютъ большевики.

Въ области этихъ же иллюзорно-правовыхъ идей вращается наряду съ продовольственной и жилищная политика Совдепіи. Здѣсь она насъ интересуєтъ не по существу своему, а какъ разъ съ той точки зрѣнія соціальныхъ иллюзій, въ питаніи коихъ броетъ истинное призваніе и истинный талантъ большевистскаго режима. И здѣсь нѣтъ или почти нѣтъ никакой реальности. И здѣсь надъ содержаніемъ права превалируетъ соціальный иллюзіонизмъ его символики. Таковы издававшіеся одновременно декреты о переселеніи рабочихъ въ буржуазныя квартиры и буржуазныя кварталы. Въ Петербургѣ такой декретъ былъ изданъ уже тогда, когда городъ страшно опустѣлъ, свободныхъ квартиръ и помѣщеній было сколько угодно и большинство домовъ было націонализировано. Рабочій при желаніи могъ переѣхать въ любой кварталъ и любую квартиру безъ всякаго декрета. Однако всюду опыты вселенія кончались самымъ жалкимъ фіаско, да и рѣдко гдѣ они проводились въ болѣе или менѣе широкомъ масштабѣ. Хотя буржуй и дрожалъ и былъ прищемленъ, но и пролетарію было неудобно и неуютно болтаться въ непривычной обстановкѣ. Но какъ средство «сдѣлать чухотку» буржую, какъ питательный матеріалъ для чувства соціальной привилегіи, какъ возышающее сознаніе «право», декреты о вселеніи явились не плохой выдумкой. Въ дальнѣйшемъ начали переселять изъ буржуазныхъ квартиръ въ пролетарскія буржуйную мебель, хватать столы, шкафы и буфеты. Это все было архинелѣпо практически, пахло все это банальнымъ соціальнымъ озорствомъ, но вѣдь все это подчеркивало право пролетаріата на все лучшее и пріятное, что только существуетъ въ мірѣ, на шелковые чулки, все это питало иллюзію привилегированности и выходило такъ, что каждый пролетарій «въ идеѣ» можетъ

стать буржуемъ, жить въ буржуазной квартирѣ и сидѣть въ буржуазныхъ креслахъ.

Эта развращающая политика не щадитъ и дѣтей. Всякаго рода учреждения по призрѣнію дѣтей внихиваютъ въ роскошные дворцы, особняки, ни въ какой мѣрѣ не приспособленные ни съ точки зрѣнія педагогической, ни съ точки зрѣнія школьной гигиены для такого рода учреждений, но социальна-психологическій эффектъ получается надлежащій: дѣти пролетаріевъ въ дворцахъ, дворцы пролетаріату, самое лучшее на свѣтѣ пролетаріату. И дѣти вѣдь знаютъ, что пришелъ «клясноармеецъ» и забралъ всю эту мишуру у буржуазнаго дяди.

Конечно, какъ ни сладка иллюзія, какъ ни заманчиво «право», массамъ нужно реальное опущеніе ивобытія, нужно непосредственное воспріятіе новыхъ условій жизни. Этого большевизмъ дать не можетъ. Но онъ можетъ, онъ наловчился давать массамъ хмельные суррогаты трезвыхъ прозаическихъ благъ. Большевизмъ въ стремленіи къ самосохраненію инстинктивно учуялъ большую социальна психологическую правду въ этомъ старомъ римскомъ крикѣ: хлѣба и зрѣлищъ! Не можетъ ли вторая часть этой формулы служить эквивалентомъ первой, или на худой конецъ придуть ея императивный характеръ? Зрѣлищный дурманъ—не въ состояніи ли онъ отвлечь душу отъ реальныхъ невзгодъ жизни? Большевики отвѣтили на этотъ вопросъ положительно, и въ Россіи заплясала, закружилась вакханалія карнавальнаго коммунизма. Зрѣлищъ, побольше зрѣлищъ! Жалкая, голодная и жадная толпа артистовъ, музыкантовъ, художниковъ, поэтовъ, отъ малыхъ до великихъ стали необходимѣйшей наиболѣе значительной частью демагогическаго инструментарія большевизма. Столько зрѣлищъ, столько артистическаго шума, треска и трезвона, сколько большевизмъ задастъ своимъ подданнымъ, не даль бы имъ ни одинъ режимъ. Не въ томъ дѣло, что все это славить и воспѣваетъ совѣтскую власть. Важно другое—важно то, что система социальной иллюзіи объективно, внѣ угодищающихъ лакеевъ искусства, поддерживается и укрѣпляется иллюзіями эстетическими. Важно то, что въ изсохшія въ неволѣ былыхъ дней души впитываются радостныя струи новыхъ эффектовъ и новыхъ наслажденій. Проидитесь ночью мимо какого-нибудь государственнаго «иллюзіона», приглядитесь по-

ближе къ этой толпѣ бывахъ модистокъ и горничныхъ, мальчиговъ 14-17 лѣтъ, красноармейцевъ, кавалерственно-молодцеватыхъ матросовъ, френчевито-франтовигыхъ коммунистиковъ, «интелигентныхъ» ротныхъ писарей и приказчиковъ... Въ этой толпѣ подчасъ слишкомъ много альфонсовъ, проститутокъ, профессиональныхъ преступниковъ и наслѣдственныхъ негодяевъ. Но не поддавайтесь чувству отвращенія. Вся эта толпа во власти сладкой иллюзіи инобытія, вся она чувствуетъ, что «все это—наше», перенесенная въ новый міръ, гдѣ я все, а моя барыня — дрянь, ничто. Взглядите объективно въ эту толпу, и вы поймете почему она иногда съ нѣкоторой лихостью поетъ:

всѣ мы на бой поидеѣмъ
за власть совѣтовъ
всѣ какъ одинъ прольеѣмъ
мы кровь кадетовъ.

Нѣтъ ни одного совѣтскаго мѣропріятія, которое или по своему содержанію или по формѣ или наконецъ по прозивному дождю устныхъ и письменныхъ къ нему комментариевъ не было бы связано съ упроченіемъ въ сознаніи массъ ихъ избранности, ихъ бѣлой кости, ихъ соціально-политической привилегированности. Даже такая аполитическая мѣра, какъ новая орфографія, была въ свое время подана, какъ орфографія классовая. Буквы «ѣ» и «і» стали воплощеніемъ буржуазнаго зла. Заклеенныя бумагой на всѣхъ совѣтскихъ машинкахъ клавиши буржуазныхъ буквъ свидѣтельствовали о побѣдѣ немущихъ надъ имущими, немущихъ «ѣ» надъ имущими «і». Писать «ѣ» въ совѣтской республикѣ стало также опасно, какъ при самодержавіи писать «его величество» маленькими буквами. Орфографическая безпомощность массъ стала приобрѣтати характеръ орфографической привилегіи. Разумная по существу мѣра превратилась въ дурацко-ревнивую, ухарскую демагогію. «Никакихъ гвоздєвъ!» Пролетаріатъ, уничтожая проклятую буржуазію, уничтожаетъ ее вмѣстѣ съ проклятой буквой. А ну ка, извернитесь и напишите, не задумываясь, по коммунистически: «расстрелять» и «к стенке»...

Этихъ мелочей совѣтской демагогіи, имѣющей цѣлю внушити массамъ иллюзіи соціальной привилегированности, можно было

бы собрать безчисленное множество. Въ массѣ своей они дѣйствуютъ въ желательномъ направленіи иногда болѣе интенсивно, чѣмъ крупныя явленія того же типа. Мелкая повседневная лесть, повседневная демагогическая щекотка, дѣланное, іезуитско-смирненное преклоненіе владыкъ передъ ихъ рабами, омерзительныя поглаживанія по пролетарскому плечу — вся эта тошнотворная смѣсь социальнаго озорства, лисьей элегичности и волчьей хватки совершенно оглушаетъ сладкимъ дурманомъ скорбныя умы и души людей, жаждущихъ утѣшительныхъ обмановъ, возвышающихъ иллюзій въ темнотѣ, холодѣ и голодѣ своей бѣдной, безобразной, обобранной и исковерканной жизни.

IV.

Кому принадлежитъ власть?

Этимъ бѣднымъ, духовно нищимъ людямъ, всю жизнь страдающимъ подъ гнетомъ чуждой имъ по социальному происхожденію власти, большевизмъ даетъ реальное, грубое, но сильное ощущеніе собственной власти. Въ полемиической литературѣ противъ большевиковъ принято утверждать, что у массъ никакой власти нѣтъ, что вся власть сосредоточена въ рукахъ совѣтской бюрократіи, давно оторвавшейся социальнаго и психологически отъ народныхъ массъ. Въ этомъ утвержденіи много правды, но не вся правда. И отсутствуетъ какъ разъ та часть ея, которая имѣетъ наибольшее значеніе въ вопросѣ о томъ, почему большевики все еще владѣютъ Россіей вопреки всему безумію и экономической парадоксальности ихъ владычества. Намъ придется нѣсколько подробнѣе остановиться на этомъ вопросѣ, потому что въ немъ таится одинъ изъ важнѣйшихъ узловъ россійской драмы.

Власть — это комбинація силы и насилія. Эти два элемента власти находятся другъ отъ друга въ обратно пропорціональной зависимости. Чѣмъ власть сильнѣе, т. е. чѣмъ методы и принципы этой власти болѣе соответствуютъ экономическимъ, культурнымъ и граждански-правовымъ условіямъ данной страны, тѣмъ меньшую роль въ государственной жизни играетъ насиліе. Граждане выполняютъ свои обязанности и осуществляютъ свои права на

під впливом індивідуально об'єднаного на них насилья, а під рівномірно испытюваним, незамітним, як тиснення атмосфери, об'єктивно проявляючимся тисненням сили держави. Якщо цього відповідності нїма, то господствующим елементом влади стає насильє. В державах послїдняго образця як в свідомості правителів, так і в свідомості громадян насильє майже или цїлком сливається з силою и в свою чергу саме понятіє влади легко переходить или сливається з понятієм насилья. Не треба доводити, що Совпадєня являєть собою яркіи примірї державь второго типу. По тому вопросъ о томъ, хто користується властю, хто править — в свідомості громадян легко переміщається в вопросъ о томъ, хто користується, хто має право на насильє. Тотъ, хто відчуває в себї це право, тотъ, хто отвѣдає этотъ сладкіи яд насилья надъ себї подобнимъ — тотъ будеть считать себя причастнимъ влади. В особливости, если повседневно на кождомъ шагѣ его будуть увѣрять в этомъ, его будуть провоцировать на проявленіє «власти» высшіє ієрархіи деспотическаго режіма. При этомъ для полноти иллюзіи массъ о принадлежащей имъ влади требуется, чтобы между ними и правящей кляссой не было никакихъ сословныхъ перегородокъ, чтобы городской и губернаторъ были вытѣплены изъ одного и того-же тѣста и чтобы, хотя-бы только формально, городской могъ стать губернаторомъ.

Всѣ эти условия имѣются на-лицо в Совпадєніи. Есть режимъ, гдѣ универсальной, почти исключительной формой влади является насильє, есть сознательное поощреніє насилья, совершаемаго массами, какъ проявленія ихъ преданности «революціи» и «соціализму», есть проводимая органами государственнаго управленія система мѣръ, имѣющихъ спеціальной цѣлю організацію массоваго насилья, и есть, наконецъ, единство соціально-культурной среды, выдѣляющей одинаково какъ элементы, организующіє насильє, такъ и элементы, непосредственно его осуществляющіє. И по тому на вопросъ о томъ—принадлежитъ-ли «бѣдѣйшимъ» власть, нужно отвѣтити утвердительно. Да, власть, упавшая до насилья, не знающая почти иныхъ формъ своего проявленія, кромѣ насилья, — такая власть принадлежитъ массамъ. Насильничать они могутъ и могутъ безнаказанно, будучи къ этому подстрекаемы и за это

поощряемы. *Такую власть* массы имѣютъ, а другой почти нѣтъ въ коммунистическомъ государствѣ россійскомъ.

Конечно, для того, чтобы интенсивно ощущать такую власть, долженъ быть объектъ насилія. Долженъ быть тотъ «турка», на головѣ котораго на народныхъ гулявьяхъ можно за 5 коп. выявить свою «силу». Такой «турка» есть. Это буржуазія, бѣлогвардейцы, вообще враги пролетаріата. На коммунистическомъ туляни за пробу силы надъ этимъ туркой ничего не взимаютъ, а даже кое-что приплавляютъ. При самодержавіи тоже былъ такой «турка». Это были «жиды». То человѣческое отребье, которое собиралось вокругъ черной сотни, несомнѣнно, чувствовало себя причастнымъ къ власти именно потому, что оно почувствовало «государственность» своихъ насилій надъ официально низведеннымъ до «турки» еврейскимъ народомъ. Это сознание своей власти давало черной сотнѣ и союзу русскаго народа такую государственную прыть, что порою даже высшіе сановники имперіи считали себя терроризованными этой «народной властью», и Столыпину пришлось не мало энергіи затратить, чтобы нѣсколько сдержать ея стихійный напоръ. Самодержавіе Романовыхъ себя спасало, отдавши толпѣ какъ-бы въ аренду насиліе надъ евреями. Самодержавіе коммунистовъ себя спасало, отдавши почти въ полное распоряженіе трудящихся насиліе надъ коммунистическимъ «туркой» — буржуазіей. Но коммунистическое самодержавіе въ лучшихъ условіяхъ и болѣе талантливо: сословная граница проведена не между толпою и высшими сановниками, а между ними вмѣстѣ съ одной стороны и «буржуазіей» съ другой. Это обстоятельство имѣетъ огромное значеніе въ дѣлѣ укрѣпленія иллюзии о власти, принадлежащей пролетаріату. Притомъ тутъ огромную роль играютъ нѣкоторыя другія черты совѣтской системы.

Это прежде всего неслыханно огромный, поглощающій миллионы людей, бюрократическій механизмъ. Привычное, особенно намъ русскимъ, противопоставленіе: общество и бюрократія, здѣсь въ Совдеціи теряетъ всякій смыслъ, потому что нѣтъ общества, а есть только бюрократія. Всѣ виды націонализаціи, социализаціи, — это прежде всего бюрократизація соответствующихъ отраслей жизни. Объ этомъ слишкомъ много писалось уже и говорилось. Но вѣдь здѣсь имѣется побочное слѣдствіе, специально насъ интере-

сующее. «Трудящиеся» становятся совричастными власти уже и формально, въ качествѣ прямыхъ агентовъ государства. И, если это поприще открываетъ имъ возможности дикаго произвола, взяточничества, прямой расправы съ «туркой», если «трудящимся» по умственной или культурной убогости, а иногда и вслѣдствие простой безграмотности предоставляются сплошь и рядомъ наиболѣе «принципіальная» должности политкомовъ, надзирателей за «духомъ» бывшихъ саботажниковъ интеллигентовъ, должности членовъ коллегіи безъ дѣлового портфеля, то нужно-ли болѣе разительное доказательство того, что «въ совѣтскомъ строѣ власть принадлежитъ трудящимся»?

Совѣтское правительство грубо, топорно и мерзко поощряетъ психологію унтера Пришибеева. Представьте себѣ, что унтеръ Пришибеевъ поступилъ на государственную службу. Вѣдь тутъ его реальной власти, а главное его иллюзіи о роли и содержаніи своей власти предѣла не будетъ. При самодержавіи унтера Пришибеева за безобразія все-таки засудили. При коммунизмѣ наврядь-ли даже возможенъ случай, чтобы его судили, а если его за совершенно исключительныя уже художества стануть судить, то въ приговорѣ будетъ между прочимъ сказано: «... но, принимая во вниманіе пролетарское происхожденіе тов. Пришибеева, отъ наказанія его освободить».

Такихъ мотивировокъ въ совѣтскихъ судебныхъ приговорахъ вы можете найти сколько угодно и легко себѣ представить все ихъ растлевающее значеніе, все ихъ вліяніе въ дѣлѣ образованія аристократическаго сознанія новопризнанныхъ носителей власти — насилія. «Трудящиеся у власти», потому что они при аппаратѣ насилія, «трудящиеся у власти», потому что огромная ихъ масса — чиновники самыхъ зубастыхъ и мерзкихъ отраслей управления, «трудящиеся у власти», потому что только людямъ господствующаго, властвующаго сословія прощается то, что другихъ приводить «къ стенке» или въ «концлагерь». И, наконецъ, «трудящиеся у власти», потому что они при... винтовкѣ!

Людямъ, не бывавшимъ въ Совдеціи, или давно ее покинувшимъ, трудно себѣ представить до какой степени обладаніе винтовкой поддерживаетъ въ Совдеціи ощущеніе обладанія «властью». Когда-то винтовка имѣла строго опредѣленное и строго-же

ограниченное назначеніе. Атмосфера гражданской войны съ одной стороны и гайдамацки-коммунистическій милитаризмъ съ другой—придали факту обладанія, законнаго обладанія винтовкой совсѣмъ иной смыслъ. Винтовка потеряла свое прежнее, строго ограниченное значеніе. Она въ сознаніи ея обладателя огромной мощности символъ власти. Въ своей работѣ: «Терроризмъ и коммунизмъ» К. Каутскій достаточно выяснилъ эту морально ужасающую силу оружія, порожденную войной.

Въ Совденіи даже въ самые спокойные періоды, въ темную ночь вы слышите близкую или отдаленную пальбу. Не тревожьте кровавыми призраками свое измученное воображеніе. Не думайте, что это обязательно кого-нибудь разстрѣливаютъ или пристрѣливаютъ. Думайте лучше о томъ, что это нѣкто, держащій революціонный шагъ, легкимъ прикосновеніемъ къ собачкѣ заставляетъ безкорыстно звучать музыку своей власти. Это звучитъ золова арфа пролетарской власти...

«Не бойтесь человѣка съ ружьемъ» — говорилъ Ленинъ еще въ 1918 г. Это было циничной бравадой и ложью притомъ. Потому, что въ этомъ все дѣло: надо бояться человѣка съ ружьемъ. Потому что коммунизму нуженъ именно такой человѣкъ съ ружьемъ, которого-бы боялись. Это нужно не столько для смиренія пугающихся, сколько для гордыни пугающаго. Я власть, я сила — потому что меня бояться... Вся государственная машина — собачка. Тронешь и... пифъ, пафъ! И человѣкъ, которому вручена собачка, преисполняется гордымъ сознаніемъ. Онъ при собачкѣ — онъ при власти.

Въ Совденіи это такъ. До омерзительной ясности такъ. И шальная днемъ и ночью пальба—того-же символическаго характера и вазначенія. Я помню, какъ въ одномъ крупномъ южномъ городѣ послѣ прихода большевиковъ выдали для внутренней охраны оружіе право-меньшевистской, ярко «контръ-революціонной» организаціи. Я наблюдалъ радостно-удовлетворенный видъ этихъ контръ-революціонеровъ и произвольное линяніе ихъ антибольшевистскихъ чувствъ. Даже эти стали соучастниками власти, хлебнули сладкой отравы и почувствовали себя «строителями жизни».

Кажется патроновъ имъ не выдали. Скоро забрали и винтовки.

Стало скучно. Опозиційні чуття контр-революціонерів воскресли знов з прежньої силою. Власть осталась у тїх, у кого остались винтовки...

Когда говорят о томъ, что совѣтская власть совершенно оторвалась отъ народа, то надо думать и о томъ, что оторвалась она какъ клещъ... Вырваны изъ народнаго тѣла клочья безформеннаго мяса, вырваны клочья истерзанной народнои души. Оторвавшись она оставила въ немъ свои разрушительные яды, вызывая цѣлый рядъ острыхъ воспалительныхъ процессовъ.

Объ этомъ дальше.

V.

Развѣнчаніе труда.

Согласно официальному краснорѣчію, совѣтская республика — это «республика трудящихся». Труду — почетъ и мѣсто. Труду — «вся власть». Такъ пишутъ и говорятъ, безконечно много пишутъ и говорятъ представители совѣтскаго режима. Между тѣмъ совѣтскій режимъ въ дѣйствительности весь проникнутъ не волей къ труду, а волей отъ труда. Въ этомъ его притягательная сила для массъ.

Было-бы глубокой ошибкой разсматривать это явленіе съ точки зрѣнія вульгарной лѣни или бездѣлья. Нѣтъ — здѣсь таится глубокая драма русскаго народа, которую въ цѣляхъ удержанія у власти только хорошо использовали большевики.

Октябрьская революція была, если хотите, *революціей усталости*. То огромное физическое и моральное перенапряженіе русскихъ трудящихся массъ, о которомъ я писалъ выше, требовало властно отдыха. Наблюдатели западно-европейской жизни констатировали эти черты глубокой усталости даже въ странахъ высокои индустріальной культуры, гдѣ интенсивность труда всегда была неизмѣримо выше, чѣмъ въ Россіи. Тамъ мы имѣли пролетаріатъ, поколѣніями приспосабливавшійся физически и духовно къ интенсивному темпу и ритму высоко развитой индустріальной культуры. При томъ самый составъ пролетарскаго класса былъ болѣе стойкимъ, болѣе постояннымъ, чѣмъ въ Россіи, гдѣ процессъ

образованія центрального ядра рабочаго класса только начался, гдѣ количественный ростъ рабочаго класса совершался меньше всего за счетъ города, а больше всего за счетъ деревни, гдѣ самая граница между индустріей и земледѣліемъ была крайне неопредѣленной. и гдѣ процессъ соціальной конденсаціи пролетаріата еле послѣдовалъ за процессомъ его стихійнаго разжиженія. Война придала этому процессу разжиженія рабочаго класса Россіи огромные размѣры. Въ лихорадочную, а по російскимъ условіямъ и каторжную атмосферу военной промышленности были втянуты безформенныя толпы людей, совершенно далекихъ отъ трудового темпа и трудового ритма современной индустріи. И, если роковыя черты усталости, паденія воли къ труду стали констатировать въ странахъ высокой общей и индустріальной культуры, гдѣ пролетаріатъ и лучше питался и былъ менѣе закабаленъ, чѣмъ въ Россіи, то легко понять до какихъ трагическихъ размѣровъ должна была дойти эта усталость въ Россіи. Какъ-бы ни были причины октябрьской революціи, она во всякомъ случаѣ разыгралась на этой почвѣ, въ этой соціально-психологической атмосферѣ. Въ дальнѣйшихъ событіяхъ это обстоятельство сыграло роковую роль. Во всякомъ случаѣ оно стало исходной точкой воздѣйствія большевизма на массы и орудіемъ укрѣпленія ихъ власти. Въ какомъ-же направленіи шла эта работа?

Нѣсколько фактовъ выясняютъ намъ методъ соціальнаго внушенія большевизма въ этой области. Когда въ Петербургѣ свирѣпствовала холерная эпидемія, на уборку гнившихъ на кладбищахъ труновъ и рытье могилъ посылались подъ командой рабочихъ. снабженныхъ винтовками, партіи «буржуевъ». Работы по очисткѣ улицъ велись такимъ-же образомъ. Въ Одессѣ на людныхъ улицахъ устраивались грандіозныя облавы, во время которыхъ ловили лучше одѣтыхъ барышень и дамъ и отправляли ихъ мыть и чистить казармы и конюшни. Это были партизанскія т. с. выступленія. Затѣмъ ввели трудовую повинность. На всякаго рода землекопныя, грязныя и черныя работы посылались буржуи. Производительность ихъ труда и качество исполняемой работы стояли, конечно, ниже всякаго уровня. Это было чистѣйшимъ надругательствомъ надъ идеологіей труда, надъ его святостью, благостью и,

главное, надъ его производственнымъ смысломъ. Люди ковыряли лопатой и киркой и каждое ихъ движеніе, вся картина въ цѣломъ являлась глубокимъ издѣвательствомъ надъ основнымъ началомъ человѣческаго бытія — трудомъ. Авторъ этихъ строкъ принялъ участіе въ болѣе или менѣе «вольномъ» извращеніи идеи труда — въ коммунистическомъ субботникѣ, куда было согнано до 5000 чел. совѣтскихъ служащихъ. Эти 5000 человекъ — интеллигентовъ, «совбуровъ», пристроившихся на службѣ мелкихъ спекулянтовъ, барышень на высокихъ каблучкахъ и съ напояженными губами продѣлали до мѣста работы и обратно пѣшкомъ 25 верстъ въ страшную жару, испортили на нѣсколько сотъ тысячъ рублей обуви и платья, прогуляли приблизительно на 1 миллионъ рублей совѣтскаго однодневнаго жалованья, т. е. въ этотъ день въ канцеляріяхъ ужъ не работали, получили около 3000 хлѣбовъ бесплатно, пѣли пѣсни, испортили много инструментовъ и наработали — выбрали столько земли, сколько шута, по словамъ сопровождавшаго насъ инженера, выберутъ за нѣсколько часовъ... 300 человекъ рабочихъ. Т. е. производительность каждаго изъ насъ составляла менѣе 6 о/о минимальной производительности средняго рабочаго при издержкахъ производства во много разъ превышавшихъ нормальныя издержки нормальнаго, а не кощунственно-карикатурнаго трудового процесса.

Въ это время всюду на биржахъ труда регистрируютъ десятки тысячъ безработныхъ, для которыхъ нѣтъ работы и которыхъ нѣтъ для работы, потому что это всеобщее явленіе: безработные не идутъ на указываемыя биржей мѣста или быстро ихъ покидаютъ, ибо биржи труда очень скоро превратились въ мѣсто регистраціи и явки безработной аристократіи, для которой совѣтскій режимъ разрѣшилъ окончательно и безповоротно основній вопросъ: кто долженъ уголь таскать... Безработные предпочитали получать грошевыя выдачи деньгами и бесплатныя обѣды въ общественныхъ столовыхъ, чѣмъ идти на указываемыя биржей работы.

Насъ здѣсь интересуетъ не экономическая сторона этого явленія, а его идеологическое и психологическое значеніе. Трудъ повседневный, систематическій, въ особенности работа

сколько-нибудь физически тяжелая или неприятная рѣзко противорѣчить воспитываемому и подогреваемому большевизмомъ чувству соціальной привилегированности. На почвѣ универсальной усталости, о которой мы говорили выше, унавоженной демагогической проповѣдью соціальной избранности пролетаріата и примитивной мести шелковымъ чулкамъ, рушится трудовая инерція, трудовая психика все большихъ массъ рабочихъ. Право на трудъ и обязанность труда дѣлаются соціально-психологическими бессмыслицами въ обстановкѣ искусно подогреваемого босяцкаго аристократизма. Ихъ замѣняетъ «право на лѣность» — это названіе парадоксальнаго памфлета Лафарга нѣсколько подходит къ соціально-психологической атмосферѣ, созданной въ Россіи большевистской демагогіей.

Какой-же это, чертъ возьми, социализмъ, какая это диктатура пролетаріата, если я при нихъ долженъ дѣлать то же самое, что при капитализмѣ и диктатурѣ буржуазіи? Какой прокъ въ томъ, что буржуевъ рѣжутъ, какъ на бойнѣ, если по прежнему я долженъ чистить сточныя каналы, копаться въ грязи и вообще тянуть проклятую трудовую лямку? Массамъ нуженъ разительный шокъ инстинкта именно въ той сферѣ, которая прежде была наиболее острымъ проявленіемъ ихъ соціальной приниженности. Если раньше проклятіемъ былъ трудъ, то что-же явится благословеніемъ новаго міра? Не отрицаніе-ли труда, какъ принудительнаго принципа бытія, не превращеніе-ли его въ репрессию противъ прежнихъ угнетателей, не орудіе-ли классовой мести? Кто долженъ *теперь* уголь таскать? Неужели все онъ-же — пролетаріатъ?

Большевизмъ чувствуетъ этотъ страдальчески недоумѣнный и вмѣстѣ съ тѣмъ протестующій взглядъ коллективной угольщицы и онъ ее успокаиваетъ, онъ ее утверждаетъ въ ея правахъ на отдыхъ, на радость недѣланія, на сопричастіе къ командованію тѣми, кто всю жизнь командовалъ ею. Большевизмъ не можетъ, объективно не можетъ поддерживать паеосъ труда, онъ долженъ трудъ развѣнчать, заклеить его печатью проклятѣя, превратить его въ издѣвку надъ былыми господами.

На заборахъ Совдепіа висятъ картинки: буржуй съ застывшимъ ужасомъ въ глазахъ мететь улицу, рабочій при винтовкѣ,

его охраняющий, самодовольно смѣется... Смѣется и публика. Это стилизованная фотографія совѣтской дѣйствительности. Что такое рабочий? Это герой. Это избранникъ исторіи. Почему—потому, что онъ работаетъ, создаетъ всё блага жизни? Нѣтъ! Онъ герой, онъ избранникъ, потому что столѣтіями онъ въ потѣ лица своего и въ кандалахъ капитализма работалъ до сего дня. Потому, что онъ безмѣрно страдалъ. Потому, что онъ сдѣлалъ революцію и дѣлаетъ ее каждый день. Вотъ источникъ его социально-политического и нравственного самоутвержденія. Не производственная или экономическая функція, а историческія обиды и историческія заслуги. Власть не трудящихся, а трудившихся. Привилегія, избранничество, какъ говорится въ судебныхъ приговорахъ, «въ виду пролетарскаго происхожденія». Революція уставшихъ каторжниковъ, превратившаяся въ профанацію и развѣнчаніе труда.

Худо-ли это было или хорошо, но въ психологіи социализма всегда имѣлся этотъ нравственный упоръ на трудъ, нѣкая гордыня, пристокавшая изъ такого простаго факта, что трудъ—источникъ всего общественнаго бытія и что вслѣдствіе этого преимущественный носитель труда — самый необходимый классъ общества. Россійскій коммунизмъ совершенно убилъ эту моральную базу пролетаріата. Что особеннаго въ положеніи пролетарія? *Всѣ* работаютъ, всѣ обязаны работать. Для созданія социальной привилегіи, иллюзіи ея, убили реальную привилегію труда. Всякій долженъ работать, значить всякій можетъ работать. Здѣсь нѣтъ избранныхъ и призванныхъ, здѣсь нечѣмъ гордиться. Здѣсь любой шпунтъ у мѣста. И не здѣсь, не въ этомъ особая стать пролетаріата. У него болѣе священныя и почетныя функціи и обязанности. Онъ осуществляетъ социализмъ, дѣлаетъ революціи, стоитъ на стражѣ, стоитъ у власти, преслѣдуетъ контр-революцію...

Вотъ гдѣ большевистскій развратъ принесъ наиболѣе жестокий вредъ. Онъ обѣщаль раскрѣпить трудъ и обезцвѣтилъ его, развѣнчалъ, обезцвѣтилъ, вульгаризировалъ его и въ итогѣ проклялъ. На свою-же голову, конечно. И, если вы хотите понять, откуда эта безумная дезорганизация хозяйственной жизни Россіи, катастрофическое паденіе производительности труда, эта сплошная мерзость электрофицированнаго пошехонства, то ищите причину

всего этого развала не только въ области коммунистической экономики и политики, но и въ этой области психическихъ воздѣйствій на трудящіяся — трудившіяся массы, въ этомъ гиннозѣ социальной привилегіи, въ этой азартной демагогіи, убивающей душу живую трудового процесса. Трудъ сталъ въ Россіи психологически невозможенъ, независимо отъ того, что онъ сталъ немислимымъ экономически, технически и организаціонно. Разрушенъ основной, самый главный факторъ производства — трудовая психологія массъ и это, можетъ быть, самая крупная жертва, принесенная во имя удержанія у власти господствующей партіи, во имя поддержки ея сбившимися въ міровую непогоду съ трудового пути массами.

VI.

Когда иллюзии гибнутъ.

Мы разсмотрѣли, поскольку это было возможно въ предѣлахъ журнальной статьи, основныя пружины той психологіи, при помощи которой, создавая, поддерживая и утилизируя ее, большевики держатся болѣе 3 1/2 лѣтъ у власти. Но вѣдь очевиденъ неминуемый ихъ крахъ, вѣдь оцутителенъ отходъ отъ нихъ тѣхъ массъ, которыя прежде были безъ лести преданы Р. С. Ф. С. Р., вѣдь есть-же въ антибольшевистскомъ станѣ очень много людей, которые серьезно убѣждены и приводятъ рядъ наукообразныхъ доказательствъ въ пользу своего убѣжденія въ томъ, что гибель большевизма не заставитъ себя уже долго ждать. Вѣдь всѣ мы очень усердно занимаемся вопросами о томъ, что будетъ и какъ намъ быть на другой день послѣ паденія совѣтскаго режима. Я лично думаю, что мы всѣ эти вопросы разработаемъ вполне основательно, т. е. большевики оставятъ намъ для этого достаточно много времени. Не въ этомъ, однако, дѣло. Всѣ мы за эти послѣдніе годы обнаружили нѣкоторое притупленіе чувства времени и сроковъ, слишкомъ часто ошибаясь въ сторону ихъ преуменьшенія. Не надо теперь, послѣ тяжелыхъ разочарованій, вызванныхъ этими грубыми ошибками, впадать въ другую крайность и поддаваться

склонности къ преувеличенію сроковъ. Правильнѣе всего будетъ совсѣмъ отказаться отъ исчисленія временъ и сроковъ и анализировать только ихъ общую тенденцію.

Эта тенденція несомнѣйна. Большевизмъ внутренне пустѣетъ. Онъ слишкомъ уже грубо, цинично сталъ только властью, безъ всякаго содержанія и всякаго смысла. И отъ него отходятъ массы. Въ этомъ обратномъ движеніи мы ихъ можемъ встрѣтить на тѣхъ-же путяхъ, по которымъ они къ большевизму шли и по которому, залоподальше, еще и теперь идутъ къ нему. Поэтому мы такъ часто слышимъ лозунгъ: долой коммунистовъ — да здравствуетъ совѣтская власть! Но не въ лозунгахъ дѣло, а въ томъ психологическомъ процессѣ, который насъ интересовалъ въ нашихъ предыдущихъ разсужденіяхъ. Массы уходятъ отъ большевизма потому, что слабѣетъ сила соціальной иллюзіи, облетаютъ ея прѣты и большевизмъ неизбежно теряетъ способность создавать новыя иллюзіи, новыя гипнозы «власти пролетаріата». И здѣсь обнаруживается трагическій парадоксъ, трагическій не только для большевизма. Онъ заключается въ томъ, что чѣмъ серьезнѣе попытки большевиковъ приладить свою политику къ буржуазной и мелкобуржуазной стихіи Россіи, т.е., иначе говоря, чѣмъ объективно-разумнѣе становится большевистская политика — тѣмъ большевистскій режимъ представляетъ меньше соблазна для соблазненныхъ иллюзіей и практикой соціальной привилегіи массъ. Массы не пріемлютъ, выражаясь модной фигурой, правой политики, дѣлаемой лѣвыми руками. Массы могутъ настойчиво требовать свободной торговли, но изъ этого не слѣдуетъ, что коммунисты, осуществляющіе свободную торговлю и дающіе ходъ буржуазіи, пріемлемѣе коммунистовъ, ретиво буржуазію удушающихъ. Совсѣмъ наоборотъ — весь соблазнъ коммунизма въ его безуміи. И чѣмъ больше коммунизмъ будетъ уступать требованіямъ жизни, тѣмъ пропасть между нимъ и массами будетъ увеличиваться. Въ отходѣ ихъ отъ совѣтской власти надо поэтому видѣть не столько отходъ отъ собственныхъ иллюзіей, сколько отходъ отъ тѣхъ, кто эти иллюзіи сталъ слишкомъ грубо разрушать, пытаясь удержаться у власти слишкомъ уже бьющими въ глаза компромиссами съ буржуазіей. Т. н. «рабочая оппозиція» всецѣло, напримѣръ,

стоитъ на почвѣ «рабочевластія». Идеи демократіи чужды ей совершенно. Недалеко отъ этой почвы ушли и кронштадцы.

Съ большевизмомъ случилось роковое несчастье: онъ побѣдилъ. Онъ, если можно такъ выразиться, потерпѣлъ... побѣду. Онъ таки додушилъ буржуазію и, придушенная въ тѣхъ ея формахъ, главнымъ образомъ видимыхъ проявленіяхъ, которыми питали социальную ненависть массы, и механическая, демагогическая борьба съ которыми давала массамъ иллюзію социального искупленія, — она потеряла значеніе того «турки», на головѣ котораго проявлялась «сила пролетаріата». Рано или поздно, но шумъ и трескъ борьбы съ буржуазіей, стоны и крики удушаемыхъ должны были прекратиться. Исчезла иллюзія того самонужнѣйшаго дѣла, которое поддерживало въ массахъ боевой, мстительный пылъ. Все уже стало націонализированнымъ, социализированнымъ, буржуи притихъ, забился въ норы, сталъ совбуромъ, сѣлъ въ совѣтскій бестъ, убѣжалъ за-границу, массами былъ разстрѣлянъ — большевизмъ потерпѣлъ побѣду. Стало пусто, скучно... Наступило то убійственное для всякой диктатуры равенство, при которомъ исчезли тѣ бьющія въ глаза различія между избранными и отверженными, между пролетарской аристократіей и буржуазнымъ плебсомъ, какія главнымъ образомъ служили психологической скрѣпкой между большевистскими владыками и массами. Для большевистской демагогіи нуженъ былъ, до-зарѣзу нуженъ былъ буржуи и притомъ недодушенный, энергично душимый, но недодушенный. Додушенный — онъ потерялъ прежнюю притягательную силу и прежнюю роль «турки». Сѣрая мрачная пелена, однообразно покрывшая Россію, сѣрая, мрачная пелена равенства въ лицетѣ убила паюсъ социальной привилегіи, убила иллюзію избранничества. То, что осталось отъ буржуазіи въ Россіи, приспособилось къ совѣтскому быту, приспособило его къ себѣ. Между тѣмъ пролетаріатомъ, который имѣлся въ Россіи и той буржуазіей, которая въ немъ осталась, произошло социальное-психологическое сближеніе въ томъ смыслѣ, что оба эти элемента были полонены одной и той же стихіей мелкобуржуазныхъ отношеній, страстей. Спекуляція, казнокрадство, лихоимство и лихоительство, хищничество, подлоги, торгашество, воровство, ложь, лицемѣріе и притворство стали той общей почвой,

на котрої зустрілися і протянули другъ другу руки всѣ соціально-культурно-бытовія группировки Россіи. Исчезла возможность питать иллюзіи широкихъ массъ, исчезла возможность пышныхъ, грандіозныхъ, варфоломѣвскихъ постановокъ соціальной революціи пролетаріата. Исчезли даже всѣ «фронты», по ту сторону которыхъ бѣлогвардейцы предусмотрительно заготовляли каждый разъ огромныя горы всякаго буржуазнаго добра, неудержимо махившаго массы на бой кровавый, на военно-продовольственный драгонадъ революціоннаго милитаризма. Большевизмъ исполнился. Въ Россіи «миръ», въ Россіи «равенство»... И «додушена буржуазія». И пусто, пусто...

Массы, видѣвшія, радостно оцущавшія неравенство подъ собою, къ ужасу своему начинаютъ видѣть неравенство надъ собою... Что это такое!? Откуда это? Комиссарская знать... Шикарные туалеты комиссарскихъ женъ и любовницъ. Кутежи. Совѣтскіе пшукты, галантные френчмэны... Пролетки, выѣзды. Пышный, торжественный театральный разѣздъ... Барскія замашки... Бриллиантовый коммунизмъ! Вѣдь это все «наши». «Гдѣ дорогая мебель, ковры, картины» — спрашиваетъ въ письмѣ въ редакцію глубоко потрясенный рабочій. И на комъ же эти шелковые чулки? И что это за «профессорскіе пайки» и ударные пайки? И что это за господа такіе — «спецы»? Что это — социализмъ или специализмъ? И почему не выдаютъ «прозодежды»? И тысячи скорбныхъ, недоумѣнныхъ вопросовъ каждый день, на каждомъ шагу, тысячи уколовъ чувству и иллюзіи соціального избранничества. И вѣдь все это въ тысячи разъ замѣтнѣе, чѣмъ прежде, когда оглушалъ, возбуждалъ, радовалъ и утѣшалъ шумъ и трескъ сокрушенія буржуазіи, бѣлогвардейцевъ, Антанты и т. п.

Можно было терпѣть голодъ, холодъ, нищету, болѣзни, миллионъ терзаній, покуда была жива эта иллюзія господства... Бѣдна Маша, да наша. Но если Маша не наша, то ея уродливыя черты, ея мерзкая суть становятся невыносимыми. Мы утверждаемъ, что если даже удастся большевизму путемъ компромиссовъ съ буржуазной стихіей улучшить положеніе массъ, то это нисколько не ослабитъ процесса отхода ихъ отъ большевизма. Потому что

большевизмъ былъ нуженъ и дорогъ массамъ только какъ грандіозная, феерическая ставка на социальную революцію, понимаемую въ стилѣ опрокинутой буржуазной пирамиды.

Это ушло, это уже больше не придетъ, а если и придетъ, то не вызоветъ уже былого воодушевленія.

Большевизмъ умретъ, потому что гибнетъ созданная имъ социальная иллюзія.

Ст. Ивановичъ.
